

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III)

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Тихонова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Радикализм и экстремизм имеют чрезвычайно серьезные последствия для жизни человека, угрожают существованию человечества. В фокусе внимания в настоящей работе находится проблема дерадикализации. Теория неопределенности-идентичности описывает психологический механизм, по которому происходит трансформация неопределенности в экстремизм, по которому человек, испытывающий чувство неопределенности, особенно если это чувство острое по своей выраженности и переживается продолжительное время, стремится не только в высоко энтитативные, но в экстремистские группы. Если в рамках этой теории отсутствует описание механизма дерадикализации, то в рамках теории неопределенности-идентичности можно усмотреть условия, при которых индивид, испытывая чувство неопределенности, все же не стремится стать членом групп с экстремистскими и радикальными взглядами. Анализ этих препятствий на пути индивида, испытывающего чувство неопределенности, и посвящено основное внимание в настоящей работе. Кроме того, обсуждается потенциал модели смены социальной идентичности, сформулированной на примере социальной идентичности потребителей психоактивных веществ. Логика смены социальной идентичности учитывает групповую природу террористической деятельности, а также тот факт, что именно идентичность подталкивает человека к действию.

Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть III)
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 181—194.

Bovin B.G., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part III)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 181—194.

Ключевые слова: дерадикализация, неопределенность, социальная идентичность, групповые нормы, смена идентичности.

Финансирование. Бовина И.Б. выполняла теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Экспансия (Конкурс на соискание финансовой поддержки для подготовки и опубликования научных обзорных статей)» — № 19-113-50280.

Для цитаты: Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 181—194. DOI:10.17759/psylaw. 2021110114

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part III)

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Radicalism and extremism have extremely serious consequences for human life and threaten the existence of humanity. The problem of deradicalisation is in the focus of our attention in this paper. The theory of uncertainty-identity describes the psychological mechanism by which the transformation of uncertainty into extremism occurs, by which a person experiencing a feeling of uncertainty, especially if this feeling is acute in its severity and is experienced for a long time, then the person tends not only to highly entitative, but to extremist groups. If this theory does not describe the mechanism of deradicalisation, then the conditions under which an individual, experiencing a feeling of uncertainty, still does not seek to become a member of groups with extremist and radical beliefs. This paper focuses on the analysis of these obstacles in the way towards extremism and radicalism. In addition, the potential of the social identity model of recovery formulated on the example of the social identity of addicts is discussed.

Keywords: deradicalisation, uncertainty, social identity, group norms, identity change.

Funding. Bovina I. B. performed theoretical and analytical research on the problem of radicalization with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project «Expansion (Competition for financial support for the preparation and publication of scientific review articles)» - № 19-113-50280.

For citation: Bovin B.G., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part III). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 181—194. DOI:10.17759/psylaw. 2021110114 (In Russ.).

Введение

Радикализм и экстремизм имеют самые серьезные последствия для жизни человека, представляют угрозу существованию человечества. В заключительной, третьей, части нашего теоретико-аналитического исследования в фокусе внимания будет находиться проблема дерадикализации.

Стоит сразу оговориться, что по проблеме радикализации имеется значительное количество самых различных текстов (теоретического или эмпирического толка, принадлежащих перу не только представителей отраслей психологии, но целому ряду различных дисциплин — будь то правовые и политические науки, социология, культурная антропология и пр.). Серьезная часть текстов относится к категории так называемой «серой литературы», которая едва ли рассматривается в систематических обзорах по проблеме. Аналогичным образом обстоит дело и с проблемой дерадикализации, кроме того, этот процесс попал в фокус внимания исследователей позже [9; 19; 27]. Дискуссия о том, что такое дерадикализация, масштабна, как и в случае понятий «терроризм» и «радикализация». Исследователи соотносят категорию дерадикализации с рядом других понятий, например, таких как «деиндоктринация», «прекращение террористической деятельности» (авторы не нашли более точного способа определить *disengagement*). Кроме того, предпринимается попытка поставить в один ряд с дерадикализацией такие процессы, как реабилитация, диалог, реинтеграция и ресоциализация [5; 9; 11; 19; 27], что, соответственно, определяет основополагающий механизм, по которому происходит прекращение участия в террористической деятельности, а также структуры, на которые необходимо оказывать воздействие, приводящее, в конечном счете, к дерадикализации индивида [5; 9; 11; 19; 27].

В литературе, с одной стороны, можно выделить ряд теоретических моделей, в которых объясняется как процесс радикализации, так и процесс дерадикализации — в частности, модели Б. Досжа, А. Круглянки, К. Маккалей [4; 21; 22]. С другой стороны, предпринимаются попытки рассмотреть процесс дерадикализации через призму имеющихся объяснительных моделей, в рамках которых исследуются проблемы банд, социального движения, процесса выхода из ролей (алкоголиков, курильщиков, наркоманов и пр.) [5; 11]. И если использование идеи с выходом из группы — будь то банда или социальное движение — обладает серьезным потенциалом для объяснения того, как человек перестает выполнять террористическую деятельность, то логика выхода из роли иная, ибо из фокуса внимания упускается то, что террористическая деятельность осуществляется группой. Другое дело, если рассматривать смену социальной идентичности в случае алкоголиков или наркоманов, но к этому вопросу мы вернемся позже.

В целом, апеллируя к идее М. Элшины, проблема дерадикализации является «территорией,

не обозначенной на карте» [5], ибо требуются теоретический анализ проблемы, а также проверка концептуальных построений в экспериментальных исследованиях. Очевидно, что существует своего рода зазор между имеющимся теоретическим знанием и запросами практики, ибо со времени 11 сентября 2001 года проблема дерадикализации стала чрезвычайно актуальной. При всем этом в различных странах действуют превентивные программы по дерадикализации [10].

В самом общем виде обозначим три подхода, на которых базируются программы по дерадикализации, направленные на тех, кто принял участие в террористической деятельности: 1) нацеленный на изменение поведения (не затрагивающий при этом причин поведения — убеждения, которые приводят к террористической деятельности, ибо этот пласт является *частной сферой*, воздействие направлено на симптом. Такая стратегия, с опорой на анализ М. Гидера [10], практикуется, в частности, в США, Великобритании, Австралии); 2) нацеленный на изменение убеждений (по сути, радикализация здесь рассматривается как индоктринация, тогда задача дерадикализации — в изменении убеждений, которые ему были навязаны. М. Гидер отмечает, что такой подход практикуется, например, в России, Турции и Саудовской Аравии); 3) смешанный (объединяющий и воздействие на поведение, и воздействие на убеждения — практикуется, в частности, в Италии, Испании, Финляндии).

Представляется возможным говорить о различных целевых группах, на которые направлено воздействие профилактических программ: с одной стороны, это осужденные за участие в террористической и экстремистской деятельности, с другой — уязвимые индивиды (чаще всего представители молодежной среды, не совершившие террористических действий, но в отношении которых у правоохранительных органов имеется информация определенного рода, указывающая на процесс их радикализации или на их уязвимость) [5]. Очевидно, что стратегии воздействия в каждом случае разнятся: в первом случае, как отмечает М. Элшини, стратегия преследует цель, которую можно выразить фразой: «Мы собираемся сделать тебя хорошим» [5, р. 2], а во втором случае логика воздействия такова: «Мы здесь, чтобы ты не стал плохим» [5, р. 2].

Проблема дерадикализации: в поисках новой социальной идентичности... Ставя перед собой иные первостепенные задачи, а также будучи ограниченными рамками статьи, мы воспользуемся одним из определений, согласно которому дерадикализация — это процесс, противоположный по своему содержанию процессу радикализации [21]. Если радикализация связывается с трансформациями, происходящими с человеком, в результате которых человек вовлекается в террористическую деятельность, то дерадикализация — с тем, как индивид перестает исполнять эту деятельность и меняет свои убеждения (отказываясь от идеи насилия и экстремизма [21]). При этом, как отмечалось в первой части нашего аналитического обзора, мы исходим из того, что террористическая деятельность осуществляется группой, отсюда прекращение террористической деятельности, по сути, означает смену социальной идентичности, ибо именно идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию [17]. И здесь, как отмечается в западной литературе, возникают проблемы этического толка, ибо встает вопрос о добровольности подобного изменения [5; 23]. Хотя, как уже звучало на высоком политическом уровне (в Великобритании), возвращающиеся из Ирака и Сирии британские боевики должны будут

подвергнуты программам по дерадикализации для того, «чтобы обратить вспять их извращенную промывку мозгов» [5, р. 1]. Если рассматривать вовлечение в террористическую деятельность как результат процесса радикализации, то, в соответствии с идеями теории неопределенности-идентичности, индивид не ищет группу с определенными убеждениями, оправдывающими насилие, но он ищет группу, идентификация с которой позволит снизить чувство неопределенности за счет четких прототипов, предписывающих мысли, чувства и действия, что позволяет сделать мир более предсказуемым. Такие группы, как отмечает М. Хогг, позволяют разрешить так называемый «парадокс постмодернизма», когда обретая свободу, человек страдает от неопределенности, мучаясь вопросами: что делать? Кем быть? Что думать? Как следствие, он стремится к определенности, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [15], которые дают простые ответы на вопросы, предписывают направление мыслей, чувств и действий [13; 14].

В рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга [1; 13; 14; 15] не предлагается объяснительной схемы, в соответствии с которой индивид перестает идентифицироваться с группами с радикальными и экстремистскими взглядами, однако в этой модели отмечается, что идентификация с группой, характеризующейся высокой энтитативностью [3] и разделяющей радикальные и экстремальные идеи, не происходит автоматически. Существуют определенные условия, в которых индивид, даже испытывая чувство неопределенности, не будет стремиться стать членом группы с экстремистскими и радикальными взглядами. Другими словами, существуют своего рода барьеры на пути в группу с радикальными, экстремальными убеждениями и действиями; рассмотрим их здесь.

Групповая идентичность снижает чувство неопределенности за счет предписывания того, как думать, чувствовать и действовать — той информации, которая соответствует прототипу. Это положение теории неопределенности-идентичности было проанализировано в первой части нашего теоретико-аналитического исследования. Однако, с точки зрения М. Хогга, одного только прототипа еще мало, ибо «... люди должны чувствовать свое воплощение прототипа» [16, р. 594], что валидизирует их принадлежность к группе; они должны чувствовать, что приняты группой как настоящие члены. Как результат, для тех, кто испытывает чувство неопределенности, но ценит разнообразие и индивидуальную автономность, едва ли группы с экстремистскими и радикальными взглядами будут привлекательными; несмотря на то, что они обладают четкими границами, внутренней однородностью, иерархической структурой, общностью судьбы [3], группы имеют специфический прототип: ясный, предписывающий, согласованный. Кроме того, директивное лидерство и идеологическая система убеждений — все то, что требуется для снижения неопределенности [15]. Однако факт подавления инакомыслия в группах такого рода (ибо оно порождает сомнения и неопределенность [1]) вступает в противоречие с ожиданиями индивидов, испытывающих чувство неопределенности. Хотя это противоядие не является решающим, поскольку, как подчеркивает М. Хогг, если индивиды попадают в ситуацию острой, непрекращающейся, продолжительной неопределенности, то умеренно тоталитарные группы все же могут быть для них привлекательны, ибо способствуют снижению этого неприятного чувства, которого человек пытается избежать [15; 17]. Тоталитарные группы, кроме неприятия инакомыслия, разнообразия (ибо это ставит под сомнения групповые нормы, ясность и простоту группового прототипа), имеют достаточно

жесткие правила, ритуалы инициации для вхождения в группу. Предназначение суровых правил в том, чтобы обеспечить сильную идентификацию с группой у тех, кто преодолевает правила инициации [16]. В силу того, что валидизация социальной идентичности является ключевым моментом для снижения неопределенности, эта трудность попадания в группу и может быть своего рода барьером, который предотвратит попадание в группу с экстремистскими и радикальными взглядами. Индивид в состоянии неопределенности будет искать другие группы — более доступные, а может быть, как отмечает М. Хогг, отдаст предпочтение группам, которые воспринимаются как высоко энтитативные, но не разделяют при этом экстремистских взглядов [15]. Эмпирические факты, полученные на материале изучения братств, говорят в пользу идеи М. Хогга [17]. Сходная линия наблюдается и в случае исследования по проблеме присоединения к бандам [7; 29]: человеку в ситуации неопределенности необходимо видеть другие варианты привлекательных групп, которые должны выглядеть как высоко энтитативные, обеспечивающие более высокий статус, дающие ощущение *братства*, власть и защиту [29]; но при этом группа не должна быть занята антисоциальной деятельностью, как в случае бандитских группировок. Развивая эту мысль, заметим, что те, кто имеет ряд социальных идентичностей, т. е. принадлежит к различным группам, в меньшей степени склонен к экстремизму, чем те, кто определяет себя в терминах одной единственной, монолитной идентичности, которая насыщает Я-концепцию индивида [17; 18].

Чувство неопределенности может быть снижено не только путем идентификации с высоко энтитативными группами, но и с помощью таких механизмов, как перекатегоризация и игрупповая проекция. Если принять во внимание тот факт, что социальный мир организован с помощью различных иерархических категорий, где категории одного уровня принадлежат категориям более высокого уровня, соответственно, для снижения чувства неопределенности люди могут использовать категории различных уровней путем перекатегоризации или проецирования атрибутов подгруппы на более высокий уровень; действенность этих процессов была показана в экспериментальных исследованиях [20].

Чувство неопределенности может проистекать из маргинального положения относительно группового прототипа, т. е. люди испытывают неопределенность, проистекающую из их группового положения. Тогда в группе возможен раскол. Редкий случай, когда существующая группа не столкнулась бы на какой-то стадии своего развития с расколом, большинство же групп, как отмечает Ф. Сани, были свидетелями раскола, появились из отделившейся части или объединились с подгруппой, отделившейся от другой группы [25; 26]. Последствия группового раскола могут быть самыми различными: с одной стороны, маргинальная подгруппа — по отношению к прототипу группы с экстремистскими или радикальными взглядами — может искать другую групповую принадлежность, которая позволит им снизить неопределенность. С другой стороны, возможно, что маргинальная подгруппа рассматривает свое положение как не дающее ей права голоса; при этом члены этой подгруппы считают, что изменяются групповые нормы, а вместе с ней и социальная идентичность [6]. Как следствие, маргинальная подгруппа может направить группу в более нормативное русло. Оба варианта дают шансы для более благоприятного исхода — если не для всей группы, то хотя бы для части ее членов. По сути, речь здесь идет о влиянии меньшинства [24], которое инициирует дивергентное мышление, ведет к изменениям, к

инновациям. Как отмечает М. Хогг [6, р. 25]: «... влияние меньшинства проходит тонкую грань между изменением, отклонением и провоцирует такие большие перемены, что группа раскалывается». Теория влияния меньшинства представляет собой серьезную традицию в социальной психологии, и это направление может быть продуктивным в контексте снижения чувства неопределенности. Отсюда следует, что маргинальное положение имеет и другие грани, чем то опасное, о котором говорилось в первой части обзора. Маргинальное — по отношению к прототипу группы — положение является не только триггером радикальных действий в пользу группы (так как это дает шанс на изменение положения и снижение неопределенности, вызванной маргинальным положением), что было показано в экспериментальных исследованиях [8], такое положение оказывается своего рода преимуществом, позволяющим выйти из группы с радикальными убеждениями и действиями.

Если использовать эту идею в контексте проблемы дерадикализации, то можно усмотреть определенный потенциал в случае тех, кто для преодоления чувства неопределенности ищет высоко этнитативные группы и вступает в эти группы, но пока еще не совершил никаких действий. Кроме того, через призму этой логики становится понятным, как действовать в тюрьмах в отношении тех, кто отбывает наказание в первый раз, испытывая острое чувство неопределенности в отношении себя, своего положения в мире, своего будущего. Заключение этой категории не имеют криминального окружения, от которого могут получить поддержку, защиту; «пенитенциарный стресс», с которым они сталкиваются, только усиливает стремление к снижению чувства неопределенности путем идентификации с высоко этнитативной группой. И группы отбывающих наказание за участие в террористической и экстремистской деятельности воспринимаются как высоко этнитативные группы, зачастую с директивным лидером.

В случае же дерадикализации тех, кто осужден за участие в экстремистской и террористической деятельности, обратимся к подходу социальной идентичности в целом.

Как уже отмечалось, в наши задачи в настоящей работе едва ли входит разработка профилактической программы по дерадикализации (хотя предлагаемый здесь анализ дает серьезные основания для формулирования рекомендаций профилактического толка), преимущественное внимание направлено на понимание того, по каким механизмам может происходить смена идентичности в случае процесса дерадикализации, что и определяет цель нашего теоретико-аналитического исследования.

С нашей точки зрения, схема, которая через призму подхода социальной идентичности объясняет, как происходит смена идентичности в случае человека с наркотической зависимостью, заслуживает самого пристального внимания [2; 12]. Остановимся на этой схеме подробнее. С точки зрения А. Хаслама [12], путь от возникновения зависимости до избавления от нее — это пусть смены социальной идентичности.

В целом, путь до начала зависимости и до преодоления А. Хаслам предлагает рассматривать следующим образом: 1) на этапе, предшествующем возникновению зависимости, можно рассматривать два варианта событий: человек обладает позитивными социальными идентичностями или он пребывает в ситуации социальной изоляции; 2) период жизненных трансформаций, в который он попадает, ведет к тому, что в первом случае эти позитивные идентичности утрачиваются, а во втором — он приобретает идентичность

потребителя; так или иначе, проблемой оказывается зависимость; 3) в период пребывания в терапевтическом сообществе в обоих случаях формируется идентичность, связанная с излечением от зависимости; 4) после прекращения терапевтического воздействия в рамках сообщества индивид или имеет обновленные позитивные идентичности, или обретает некоторые желаемые идентичности [12].

Смена идентичности опирается на метод терапевтического сообщества, механизм действия которого заключается в том, чтобы разрушить старые элементы идентичности, переструктурировать элементы новых социальной и персональной идентичностей в процессе лечения, а также дальнейшее развитие идентичности вне рамок лечения в реальном мире [12]. В процессе пребывания в терапевтическом сообществе формируется так называемая *переходная идентичность* по пути от *идентичности потребителя* к *чистой идентичности* «не-потребителя».

Суть терапевтической интервенции заключается в том, чтобы индивид осуществил переход от идентичности «потребителя» к идентичности «преодолевшего» зависимость. Ближайшее социальное окружение включено в процесс смены социальной идентичности.

Траектория изменения социальной идентичности в случае зависимости с необходимостью опирается на разнообразные формы социального влияния, необходимого для смены групповых норм. Опираясь на метод картографирования социальной идентичности, представляется возможным выявить групповые сети, в которые включен человек, и определить влияние нормы потребления психоактивных вещей на него [12]. Карта социальной идентичности является не только визуализацией тех групп, которые влияют в период жизненных изменений (время потребления психоактивных веществ и время пребывания в терапевтическом сообществе), но и способом обнаружения потенциала для развития новых социальных идентичностей, связанных с принадлежностью к новым категориям, которые не связаны с потреблением психоактивных веществ и являются, в то же самое время, значимыми для индивида. Ключевым здесь является потенциал принадлежности ко многим социальным категориям, обеспечивающим совместимые друг с другом позитивные социальные идентичности; как следствие — большой объем психологических ресурсов (поддержки, влияния и пр.), необходимых для жизнедеятельности [12]. Карта социальной идентичности дает возможность проследить совместимость или несовместимость социальных идентичностей (самый простой пример несовместимости между позитивной идентичностью, полученной от группы друзей, где групповой нормой является употребление психоактивных веществ, и позитивной идентичностью, связанной с семьей, где действуют иные групповые нормы). В случае если позитивная социальная идентичность оказывается под угрозой и границы группы воспринимаются как проницаемые, индивиду доступна стратегия персональной мобильности [28].

С точки зрения модели выздоровления, базирующейся на социальной идентичности, процесс изменения идентичности в случае потребления психоактивных веществ происходит путем изменения в балансе социальных идентичностей [2; 12]. Если изначально центральной является социальная идентичность, происходящая от принадлежности к группе потребителей психоактивных веществ, то смена идентичности приводит к тому, что социальные идентичности, происходящие в результате членства в группах, где нормы не предусматривают употребление психоактивных веществ, становятся смыслоопределяющими

для человека. Другими словами, смена идентичности сопровождается вовлеченностью в коммуникацию с членами различных групп, ибо идентификация с группой имеет большие последствия для человека, чем только чувство принадлежности: человек действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти [12]. Влияние, которое оказывают другие, — и есть процесс трансляции новых норм. Крайне важно, чтобы в процессе смены идентичности, как и предлагает модель выздоровления, основанная на социальной идентичности [2], вместо чувства потери социальной идентичности (которое происходит в отношении группы потребителей) человек переживал обретение новой социальной идентичности (не-потребителя) [12].

Представленная здесь логика смены идентичности на примере потребителя психоактивных веществ задает общие контуры процесса изменения социальной идентичности в случае дерадикализации, а именно: траектория процесса задается социальной идентификацией, групповыми нормами и социальным влиянием. Очевидно, что простой перенос стратегии действий едва ли возможен в случае дерадикализации, но траектория процесса смены идентичности — принципиально та же.

Заключение. Итак, в третьей части нашего теоретико-аналитического исследования в фокусе внимания находилась проблема дерадикализации. В логике, заданной в первой части нашей работы, мы обратились к подходу социальной идентичности в целом и к теории неопределенности-идентичности, в частности, для того чтобы выявить механизмы, стоящие за процессом дерадикализации.

Теория неопределенности-идентичности описывает психологический механизм, по которому происходит трансформация неопределенности в экстремизм [15; 17], по которому человек, испытывающий чувство неопределенности, особенно если это чувство острое по своей выраженности и переживается продолжительное время, стремится не только в высокоэнтитативные, но в экстремистские группы, характеризующиеся сочетанием следующих атрибутов: гомогенность установок и ценностей; ригидность норм, обычаев и традиций; ортодоксальные и идеологические системы убеждений; наличие четких границ, охраняемых членами группы; нетерпимость к инакомыслию; наличие ригидной и иерархической структуры группы в сочетании с сильным авторитарным лидерством; этноцентризм и коллективный нарциссизм [18]. В отличие от моделей Б. Досжа, А. Круглянского, К. Маккалея [4; 21 22] в теории неопределенности-идентичности не затрагивается вопрос дерадикализации, т. е. речь не идет о том, по какому механизму индивид перестает идентифицироваться с группами с радикальными и экстремистскими взглядами, отходит от тоталитарных групп и перестает выполнять деятельность от имени этих групп (т. е. экстремистскую или террористическую деятельность). Тем не менее, в теории неопределенности-идентичности говорится о том, что идентификация с высокоэнтитативной группой, разделяющей радикальные и экстремальные идеи для снижения неприятного

чувства неопределенности, не происходит автоматически. Другими словами, существуют условия, в которых индивид, испытывая чувство неопределенности, все же не стремится стать членом групп с экстремистскими и радикальными взглядами. Это своего рода препятствия на пути индивида, испытывающего чувство неопределенности: среди этих препятствий: предпочтения в пользу разнообразия и индивидуальной автономности; недостаток ресурсов для преодоления суровых процедур инициации для попадания в группу с радикальными взглядами; определение себя в терминах различных социальных категорий, а не в терминах единой и монолитной идентичности, определяющей Я-концепцию [15; 16; 17]. Чувство неопределенности может снижаться не только путем идентификации с высоко энтитативными группами, но и за счет перекатегоризации или ингрупповой проекция [20]. Маргинальность по отношению к групповому прототипу может вести к выходу из группы [6].

Модель смены социальной идентичности на примере наркотической зависимости, предлагаемая А. Хасламом, может быть продуктивна и в случае дерадикализации. В отличие от смены роли, о которой говорится в литературе [5], смена социальной идентичности учитывает групповую природу террористической деятельности, а также тот факт, что именно идентичность подталкивает человека к действию. Траектория процесса дерадикализации задается социальной идентификацией, групповыми нормами и социальным влиянием.

Таким образом, предпринятое в настоящей работе теоретико-аналитическое исследование демонстрирует серьезный потенциал подхода социальной идентичности для объяснения того, как человек покидает группу с радикальными и экстремистскими убеждениями и соответствующей деятельностью. Однако разработка модели дерадикализации пока является задачей будущего, успешная профилактическая программа может основываться только на эмпирических фактах (полученных в ходе многократной экспериментальной проверки теоретической модели). Вся сложность и драматичность актуальной ситуации заключается в том, что такого рода программы чрезвычайно необходимы сейчас, от них зависит безопасность и благополучие современного общества.

Литература

1. *Beladavi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
2. *Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S. A., Jetten J., Mawson E., Lubman D.* Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR) // *Addiction Research and Theory*. 2015. Vol. 24. P. 111—123
3. *Campbell D.* Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14—25.
4. *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization, and de-radicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 79—84.
5. *Elshimi M.S.* Introduction. In: M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abington: Routledge, 2017. P. 1—19.
6. *Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A.* Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical // *Journal of Social Issues*. 2018. Vol. 74. P. 20—35. DOI: 10.1111/josi.12254

7. *Goldman L., Giles H., Hogg M.A.* Going to extremes: Social identity and communication processes associated with gang membership // *Group Processes and Intergroup relations*. 2014. Vol. 17. P. 813—832. DOI:10.1177/1368430214524289
8. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
9. *Grip L., Kotajoki J.* Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review // *Conflict, Security and Development*. 2019. Vol. 19. P. 371—402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577
10. *Guidère M.* Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech. Paris: Editions Autrement, 2017. 95 p.
11. *Harris K. J.* Leaving ideological social groups behind: A Grounded theory of psychological disengagement. Doctoral Thesis: Edith Cowan University. 2015 [Электронный ресурс]. <https://ro.ecu.edu.au/theses/1587> (дата обращения: 18.01.2020).
12. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
13. *Hogg M.A.* From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process // *Current Direction in Psychological Science*. 2014. Vol. 23. P. 338—342.
14. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory. In P. A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, & E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd, 2012. P. 62—80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
15. *Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory. In: M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39. P. 69—126.
16. *Hogg M.A.* To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicologia Social*. 2015. Vol. 30. P. 586—613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
17. *Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19—35.
18. *Hogg M.A., Wagoner J.A.* Uncertainty-identity theory. In: K. Young Yun (ed.). *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. New York: John Wiley & Sons, 2017. P. 1—9. DOI:10.1002/9781118783665.ieicc0177
19. *Horgan J.* Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation // *Perspective on Terrorism*. 2008. Vol. 2. P. 3—8.
20. *Jung J., Hogg M.A., Choi H.-S.* Recategorization and ingroup projection: Two processes of identity uncertainty reduction // *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2019. Vol. 3. P. 97—114. DOI:10.1002/jts5.37
21. *Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R.* The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. P. 69—93. DOI: 10.1111/pops.12163
22. *McCauley C.* The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964

23. *Moliner P.* Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? // The conversation. 2.06.2017 [Электронный ресурс] <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (дата обращения: 18.02.2020).
24. *Moscovici S.* Psychologie des minorités actives. Paris: Presses Universitaires de France, 1979. 275 p.
25. *Sani F.* When Subgroups Secede: Extending and Refining the Social Psychological Model of Schism in Groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. P. 1074—1086. DOI:10.1177/0146167204274092
26. *Sani F., Todman J.* Should we stay or should we go? A social psychological model of schisms in groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 1647—1655. DOI:10.1177/014616702237646
27. *Syafiq M.* Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts // *Psychology and Developing Societies*. 2019. Vol. 31. P. 227—251. DOI:10.1177/0971333619863169
28. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33—47.
29. *Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L.* A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015. P. 136—156.

References

1. *Beladavi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61-77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
2. *Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S. A., Jetten J., Mawson E., Lubman D.* Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR). *Addiction Research and Theory*, 2015. Vol. 24, pp.111-123
3. *Campbell D.* Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp.14-25.
4. *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016. Vol.11, pp. 79-84.
5. *Elshimi M.S.* Introduction. In: M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abington: Routledge, 2017, pp.1-19
6. *Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A.* Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical. *Journal of Social Issues*, 2018. Vol.74, pp.20-35. DOI: 10.1111/josi.12254
7. *Goldman L., Giles H., Hogg M.A.* Going to extremes: Social identity and communication processes associated with gang membership. *Group Processes and Intergroup relations*, 2014. Vol.17, pp.813-832. DOI:10.1177/1368430214524289
8. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 46, pp.544-553. DOI:10.1111/jasp.12382.

9. Grip L., Kotajoki J. Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review. *Conflict, Security and Development*, 2019. Vol.19, pp.371-402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577
10. Guidère M. *Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech*. Paris: Editions Autrement, 2017. 95 p.
11. Harris K. J. *Leaving ideological social groups behind: A Grounded theory of psychological disengagement*. Doctoral Thesis: Edith Cowan University. 2015. <https://ro.ecu.edu.au/theses/1587> (Accessed: 18.01.2020).
12. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
13. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process. *Current direction in psychological science*, 2014. Vol.23, pp.338-342.
14. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd, 2012, pp.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
15. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39, pp. 69-126.
16. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015. Vol.30, pp.586-613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
17. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp.19-35.
18. Hogg M.A., Wagoner J.A. Uncertainty-identity theory. In: K. Young Yun (ed.). *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. New York: John Wiley & Sons, 2017, pp.1-9. DOI:10.1002/9781118783665.ieicc0177
19. Horgan J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation. *Perspective on terrorism*, 2008. Vol.2, pp.3-8.
20. Jung J., Hogg M.A., Choi H.-S. Recategorization and ingroup projection: Two processes of identity uncertainty reduction. *Journal of Theoretical Social Psychology*, 2019. Vol.3, pp. 97—114. DOI:10.1002/jts5.37
21. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 2014. Vol.35, pp. 69 —93. DOI: 10.1111/pops.12163
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964
23. Moliner P. Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? *The conversation*. 2.06.2017 <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (Accessed: 18.02.2020).
24. Moscovici S. *Psychologie des minorités actives*. 1979. Paris: Presses Universitaires de France. 275 p.
25. Sani F. When Subgroups Secede: Extending and Refining the Social Psychological Model of Schism in Groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005. Vol.31, pp.1074—1086.

DOI:10.1177/0146167204274092

26. Sani F., Todman J. Should we stay or should we go? A social psychological model of schisms in groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002. Vol. 28, pp.1647—1655. DOI:/10.1177/014616702237646

27. Syafiq M. Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts. *Psychology and Developing Societies*, 2019. Vol. 31, pp. 227—251. DOI:10.1177/0971333619863169

28. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979, pp.33-47.

29. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp.136-156.

Информация об авторах

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Тихонова Анастасия Дмитриевна, магистр психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Information about the authors

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Получена 01.09.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 01.09.2020
Accepted 02.02.2021